



## ВМЕСТО ПРОЛОГА

Памяти тех лет, когда небо начиналось сразу за верхушками деревьев в нашем саду, когда свобода перекатывалась холодной утренней росой, несла запах ночного поля с ароматом пыли и мотоциклетной гари, когда наши души были открыты и на каждой странице было место, чтобы написать любую историю о нас, даже ту, которой не суждено было стать правдой. С добрым словом о наших родителях, бабушках и дедушках, друзьях и подругах, о людях, которые были на нашем пути, и неважно, шли они рядом или навстречу, стояли или толкали нас в спину...

— От, что мы творим!?! Два дурака — старый да малый! — Ильич смахнул с лица грязь, залепившую глаза и нос, сплюнул, брезгливо перебирая языком по зубам.

— А чего мы тут сотворили? — Мишка суетливо обтер руки о мокрые штаны и принялся раздирать собственные веки от слипшихся комков черноты. — Ну застряла телега в луже, ну дождик пошел. Кто же знал, что у нее еще и колесо подломится, а этот пень еще и весит, как две коровы?

В перекошенной набок телеге, утянутый ремнями и веревками, нависал над краем корявый

пень, с изломанными кореньями, расщепленный кверху, измызганный грязью, с налипшими на нее листьями и травой, из-под которой виднелся черный перламутр обуглившегося края. Деревянное колесо с раздавленным ободом лежало рядом, на зеленой кочке, жалкое, изломанное, но поблескивая заполированной сталью, словно клинок сабли, с таким же гладким долом и отливом.

— Давай, Мишаня, чутка посидим и править ход надо, а то к ночи до дому не доберемся.

— Ну справим мы сейчас колесо на ремешки да проволоку, а оно же все одно сломается.

— Не сломается! Чего ему ломаться, коли мы его справим?

Мишка подозрительно посмотрел на деда, потом насупил брови, прищурился, сплюнул грязь, облизнув свои губы.

— Да не дуйся! — Ильич грязной лапищей потрепал его по шее сзади. — Не скинем мы твой пень, что ж я, не понимаю, что ль! Мы с тобой его, таво, часа два из болота тащили, потом грузили и везли, а за два аршина до места скинем?

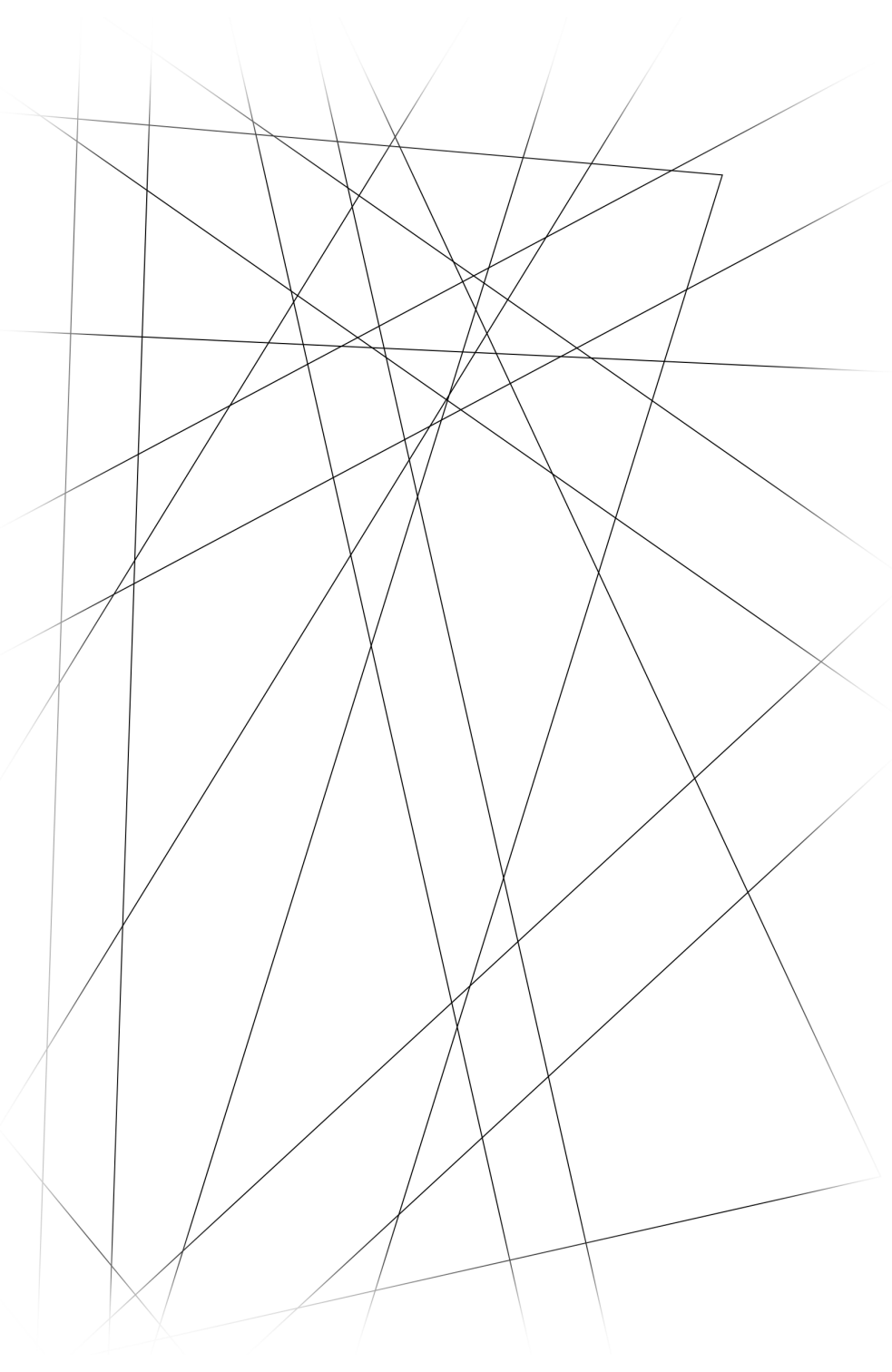
Парень все еще с подозрением стрельнул взглядом в сторону старика, опустил глаза и нехотя натянул уголки рта.

— Доволен!!! — Ильич засмеялся. — Запомни, Мишаня, жизнь, она такая штука, она в одну сторону всегда идет, даже не течет, как говорят некоторые, по течению можно лечь и плыть, пусть несет тебя, куда вывезет. Нет, идет она, и идти нужно вперед, хотя и назадиногда выходит, и стоять кто-то пробует, но суть-то не в этом. Коли дано тебе идти, так иди

и думай о своем пути, оценивай, рассуждай, а то, может, и встать нужно, постоять, одуматься, может, кто в спину подтолкнет — сзади или в затылок, чтоб ума прибавилось. Да только помни об одном, делай дело так, чтоб не оглядываться, чтоб, даже если и бросил, но впрок да с пользой. Понятно!?

Мишка помотал головой, соглашаясь со словами деда.

— Так что сопли-то собери, давай колесо править, нам с тобой еще пень твой под навес выгружать, будь он, чертяка, неладен!



## КРЫСА

Ильич сидел на лавке, широко поставив ноги и откинувшись на штакетник, который потрескивал то и дело от своей старости.

— Дед, убирай скирду с выгона! — строго выдал молодой и звонкий голос.

— А с какой радости? Не ты ставил, не тебе решать, — старик, не опуская глаз, переложил смятую беретку из одной руки в другую, вопросительно кивнув в сторону перед скамейкой.

Мишка стоял во дворе, у крыльца в мастерскую, и не мог понять, с кем в такую рань мог общаться дед. Едва рассвело, даже еще свет в мастерской горел, оттого он и решил заехать сразу, схоронить мотоцикл от глаз посторонних.

— Дед, ну как тебе еще объяснять, земля это твоя?

— Земля? — делая паузу, переспросил Ильич. — А черт ее знает, чья она, сколько живем тут, — то дорогу по ней в уборочную накатают, то бурелом от заправочной станции свезут, то бурьян да «американку» выращивают, а как я на ней порядок навел, траву покосил, а скирду поставил, так сразу хозяин нашелся.

— Дед...

Ильич громко и предупреждающе кашлянул, перебив, лавка затрещала громче и в проходе калитки растянулась гигантская тень, теребящая в руках беретку.

— Я тебе не дед! – сухо, переходя на шепот, выдал Ильич. — Я бы такого внука за мошну и об штакет, чтоб зубы по палисаднику собирал, ты еще под себя ходил, когда дед... — Вновь сдерживая тон, повисла пауза.

— Ты мне угрожать решил? – с дрожью в голосе прозвучал встречный вопрос. — А вот теперь садись и послушай. — Тень двинулась вперед, в серых тонах растворилась ее огромная рука и вытащила на свет хрупкую изломанную фигурку с чем-то в руках.

— Руки убери... — вдруг взвизгнуло это серое нечто и замолкло, рухнув на скамейку у штакетника.

— Запоминай, а не можешь, вон в чемодане бумаг сколько, записывай, коли выучился и влез в прокурорскую шкуру. — Голос деда был похож на прокурорский бандитский баритон из старых фильмов про мафию, и тон он держал подобающий, так что мурашки пробрались и во двор, потом под куртку и доползли до кончика каждого из волосков. — Для таких, как ты, я — Алексей Ильич, а не дед и не тыква, чтоб мне тыкать, запомнил?

В растворяющемся свете уличного фонаря на лавочке стала заметной тонкая фигурка в темной кожаной куртке и темно-синих брюках с лампасами, слева стояла старая белая «шестерка» Жигулей,

на которой красовалась надпись «Прокуратура», на капоте лежал портфель и фуражка. Лицо молодого прокурорского было знакомо или похоже на кого-то из знакомых, но сходу Мишка не разобрал, как и самой сути разговора с дедом.

Он стоял у крыльца, там, где возвышенность, и всматривался в полумрак, стараясь не шуметь. Кто его знает, что там стряслось, стоит показаться или потом дед за это нагоняй устроит.

— Алексей Ильич, — молодой голос, с издевкой и акцентом на каждый слог, произнес так, и Мишке показалось, что сейчас на это обращение последует знакомая и весьма болезненная дедовская затрещина, от чего даже зачесалась шея.

— Я говорить буду, — перебил Ильич. — Ты уж высказался в декабре сорок первого, мы тогда с твоим родственником как раз стояли под Керчью. Если учил историю или он рассказывал, то не сладко там было, так вот, я в карауле отбыл и шел в расположение, кости погреть, а тут мне навстречу из кустов два румына вывалились, а у меня-то при себе всего два патрона, сэкономили, один — чтоб сигналить, а второй — себе, шутка такая у караульных была. Идут эти румыны, а я — с тропки, присел за кусты и сижу, понимаю, что если заметят, то поминай как звали, в плен я им не нужен, наши на подходе были. Языка я их не знал, но по тону речи понял, что несут они куда-то хорошие для них вести, знать, нужно, чтоб они их не донесли. Смотрю, и из оружия у них только карабин у одного да штык-нож у второго, на поясе. Пропустил я их пониже в ложбинку, там сподручнее будет с ними разобраться, сам сполз



под кустами, а они как раз по нужде там решили сходить. Залег я и думаю, с кого начать, патронов-то всего два, — с того, что с ножом, или с того, у которого карабин? Пока я размышлял, сам не заметил, что вышел из укрытия, и стою перед ними во весь рост, да еще и по веткам, как корова, пролез. Стоим мы друг напротив друга, я — с карабином, и румын тот, стрелять готовый, а второй, что с ножом, чуть поодаль, портки заправляет. И вот, не поверишь, ты бы в кого первого стрельнул?

— Не знаю, — промычал прокурорский.

— А я — в того, что с ножом, стрельнул, вот не знаю, но испугался его, то ли взгляд его меня напугал, то ли почувал, что карабин у второго не заряжен был. Я первого его стрельнул, он упал, а этот карабин мне бросил под ноги и бежать. Я в него пальнул, а тот, зараза, до выстрела еще зацепился за каменья и упал, я и смазал. Схватил его ружбайку, а она пустая. Стою, думаю, уйдет ведь к своим, нас и накроют до прихода армии. Рванул штык с пояса у покойного и за беглым. Далек не убег, опять упал, только перевернуться хотел, кричать начал, а я его, куда попало, шить штыком тем... — Ильич замолчал.

Прокурорский чуть побледнел, но в глазах уже было заметно спокойствие.

— А немцы что?

— Какие немцы? — переспросил дед. — Там румыны были. — Ильич улыбнулся: — И тут ты одним ухом слышишь.

— Немцы, румыны, — прокурорский сделал паузу. — Скирду когда уберешь?

— Ты, видать, ниче не понял. Как она стояла, так стоять и будет, как я косил там траву по выгону, так косить и не перестану. Сегодня немцы, завтра румыны, потом ты, все с порядками своими, один Ильич всем подчиниться должен. Ай, нет! Я чего тогда в того румына первого стрельнул, испугался я его, честно признаюсь, а того, с карабином, ну вот как-то не принял как опасность, так вот, ты меня не пугай своими погонами да ксивами прокурорскими, – пужаные мы. То что, за родню печешься свою, это, может, и похвально, но не при твоём статусе и не таким методом, я тебе не алкаш, на моих ходах семь деревень ездит, а уж в гробах – каждого хоронят, того гляди и сам за ним приедешь, а ты ко мне с кокардой, перегаром и портфелем. Не учит вас жизнь нынешняя, даже больше скажу, дураками делает.

Прокурорский хотел привстать, но тяжелая рука Ильича легла ему на плечо, и тело, скрючившись еще сильнее, вжалось в лавку.

— Так вот... давай порешаем, будешь ты у власти решать, чей выгон, тогда приезжай — бритый, стриженный, без перегара и по форме одетый, а так — я сейчас Мишку кликну, он оглоблю вынесет, я ее об тебя изломаю и скажу, что вор ко мне во двор лез. Ты же вор?

Прокурорский насупил брови, попытался снова встать.

— Ты же вон без головного убора, штаны с лампасами, рубаха мятая, кителя нет, тужурка какая-то на тебе, по зорьке приехал, машину подальше бросил, думал, я решу, что ты пешим с района идешь,

а не под мухой рулишь. Ну чем не вор-то? Бандюга! Крыса! — Дед встал, отошел к калитке, кивнул в сторону машины, ухмыльнулся: — Ты хоть за руль не садись, коров сейчас в стадо погонят, посбиваешь еще.

Прокурорский встал, что-то хотел сказать деду в ответ, но демонстративно поправил замятый Ильичом воротник куртки и пошел к машине. Спешно сгреб с капота чемодан и фуражку, поковырялся в замке и, не оборачиваясь, пошел по тропинке к дороге.

— Давно уши греешь? — спросил Ильич, заходя во двор.

— Да ты и сам слышал, наверное.

— Эх, Мишка, никогда не становись таким!

— Каким таким? Таким, как этот?

— Таким, как я, — Ильич выдохнул и его тяжелая, но теплая и мягкая рука потянула к себе парня, — не терпи таких крыс и выщербней, нужно было ему оглоблей по загривку, а я его отпустил.

— Как того румына?

— Нет, — сухо ответил дед, — того румына мне даже жалко было, он мне в лицо свою ксиву не тыкал, номера в ней не зачитывал.

— Какие номера? — перебил Мишка.

— А ты не с самого начала этой басни тут? Да это пасынок бабки Козихи, — дед только начал, как парень дернулся.

— О, а я-то чет сразу не понял, кто он.

— Да че понимать тут, мы с тобой выгон от мусора год, поди, разгребали, а теперь его им подавай, она же дом купила себе с той стороны поселка, те-

перь думает, что все ее, что связи в прокуратуре ей помогут. А этот сопляк и может, что только показывать, что в удостоверении у него номер в четыре единицы и на служебную машину такой же себе навесил. Цифры как цифры.

— Дед, ну это... — Ильич не дал договорить парню...

— Да глупость это, а еще правильнее сказать — дурь! — Ильич перешел на твердый тон, и в голосе повеяло гневом. — Если в голове твоей мысль о цифирках и буковках, как они ладнее на твоей заднице смотрятся, то сразу ясно, дырка у тебя в заднице начинается как раз вон у самого затылка, и думаешь ты ею, а не головой. Как по мне, я с таким человеком дела иметь не желаю.

Мишка опустил взгляд, засопел как-то тяжело, потом бросил взгляд в сторону мотоцикла, стоявшего под брезентом, за кроличьими клетками.

— Дед, а я? — тихо спросил парень.

— Что ты?

— Ну номер на мотоцикле у меня, там же тоже цифры...

— Ай, ты его где взял? Правильно, — скрутил ты его где-то лет пять назад, и валялся он у Лехи на сарае, а теперь повесили, да и вы — пацаны еще, ему-то не пятнадцать, поди, и ты не в прокурорских погонах приехал стращать меня этим номером.

— Ну, так-то да.

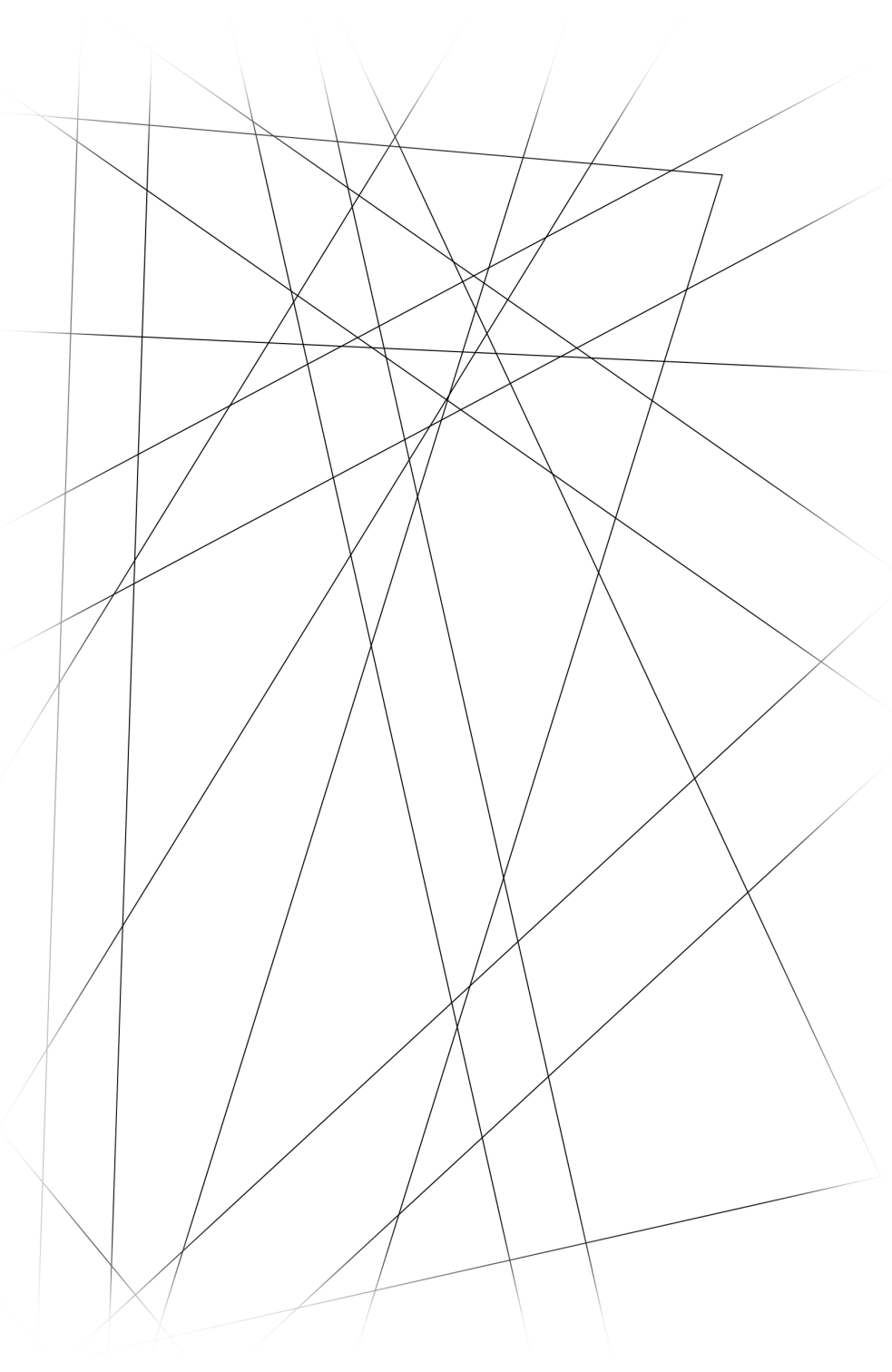
— Хорош сопли развешивать! — Дед строго подпихнул парня в бок. — Дуй морду умывать и в мастерскую, вся шея в помаде, как у индюка, и зачем девки ваши только губы мажут, один черт, в ночи не видно ничего!

— А что за спешка — до рассвета в мастерскую?

— Помер кто-то на Раздельном... — Дед сплюнул в сторону прокурорской «шестерки», накинул на затылок беретку в древесной пыли и зашагал в мастерскую.

Мишка все еще стоял у входа, смотрел то на машину прокурорского, то на кусок номерного знака мотоцикла, выглядывающего из-под брезента, а в голове с трудом выстраивались картины декабря сорок первого — с зимним Крымом, дед, молодой и не менее здоровый, чем сейчас, расшивающий штыком румына, но почему-то с лицом Козихино-го родственника из прокуратуры района, который просит не убивать его, так как на его «шестерке» номер из четырех единиц...

— Мишка, спишь? — прогремело из мастерской. — Помаду смой, а то не пуцу, стервеца!



## ПОЖАР

Тропинка с сырого асфальта соскользнула едва заметно, потом завилыла между гигантских колючек, почти в человеческий рост, вздрогнула парой кочек в раздавленной по дождям колее и вытянулась в тугую струну.

Струну кто-то нежно потянул, и в низком и густом тумане остался неглубокий след, сквозь рубец в белесом одеянии, растекаясь росой, свисали на тропку из темнеющих грядок румяные помидоры. Рокот мотоциклетного мотора остался где-то сзади, там, у дороги, где Мишка его заглушил, он метался между высоких берез и позвякивал в стеклах спящего здания школы.

Неуклюжая железяка, почавкивая стертими крышками по сырой дорожке, катилась послушно, словно стараясь не касаться травы, нависших с грядок помидоров, и юрко проскользнула в предутреннюю темноту сада, едва не задев нависший подсолнух.

Небо еще было темным, но звезд уже почти не было видно, не то что с вечера, такое странное ощущение, что, еще мгновение, и где-то над полем, там, где протяжно загудел тепловоз, выкатится из-

за посадки бледное и сонное солнце, поползет вверх, снова наступит обычный день.

Что-то подтолкнуло поторопиться, нагретые от двигателя ботинки почти с шипением погрузились в мокрую от росы траву, подножка утопла в сырой земле, и мотоцикл скрипнул и замер, лишь рассекая воздух вращением переднего колеса, повисшего над травой.

— Спрятал? – почти неслышно прошипело за спиной.

— Де, ты че тут?! Напугал!

— Тише-тише. Сам не спугни. — Из полумрака перед лицом появилась огромная рука Ильича и коснулась Мишкиного лица.

Едва глаза стали привыкать к полумраку и различать детали, в руках у деда мелькнуло очертание охотничьего ружья и подсумок с патронами.

— Ильич, ты чего? – Глаза парня немного округлились и блеснули.

— Не вопи! Ей Богу, хуже бабы в бане на день пограничника. — Ильич дернул за рукав куртки и сам присел, кивая в сторону соседских посадок на меже. — Ща глянем, из-за кого на меня поклеп, кто у них там приворовывает.

За стройной громадой тополей, поросших снизу непроходимыми зарослями черемухи и молодого ясеня, едва различимо на белом фоне соседских сараев выплывали силуэты или один, но перемещающаяся очень быстро, от двери к двери, лязгая кованными щеколдами и навесами. Судя по всему, Ильич был прав, нагло, откровенно и без зазрения совести кто-то шерудит по соседскому сараю, что-то



вытаскивал, бросал, в темноте раз от раза мелькала вспышка огонька или от спичек, или от зажигалки, звенело разбитое стекло, доносились обрывки матов.

— Ну ни стыда ни совести. — Ильич потянул кожаный хлястик подсумка и тихо вытащил из него два патрона, один он заложил между мизинцем и безымянным пальцем левой руки, второй отправил обратной стороной себе под подбородок и прижал, похрустывая волосками бороды.

— А ружбайка на что?

— А ты думаешь, Миха, что они там со спичко-стрелом пришли добро чужое брать?

— Де, погодь, а какое там добро? Там, в том сарае, ниче нет, я сам там раз сто бывал, — Мишка осекся и сделал паузу. — Ну, с Сашкой, с сыном баб Маши, то насос брал у него, то бензин брал. Так там мусор один, банки пустые, лопатки старые, немного соломы, разве что кошело для гусей новые, проволочные, как у тебя.

Ильич взвел курки и опустил ружье.

— Говоришь брать нечего? — Дед остановил взгляд в одной точке и замолчал.

— Нечего.

— А че тогда, по-твоему, там шариться ночью, впотьмах, без света? Я сам Машке там проводку налаживал, света не включают, значит, ворюга, сегодня — там, завтра и к нам заглянут. У них брать нечего, так у нас из мастерской хоть трактором вывози.

Мишка стоял, опустив голову и воткнувшись глазами в серебряные шарики на замше своих ботинок.

— Че притих? — Ильич толкнул парня прикладом в плечо.

— Не знаю...

— Чего не знаешь?

— Ну пошли, проверим, кто там шерудит в сарае.

— Другой разговор. Ты только поодаль стань, кто знает, что у них на уме. — Дед покрутил головой и настороженно зашевелил носом, втягивая часто и коротко воздух. — Ты, что ль, в бензин влез, или краник на баке не закрыл?

— Не-е, — проблеял Мишка, обнюхивая руки и куртку, — я с субботы бензин не заливал, краник закрыл еще на повороте у моста, экономлю.

За кустами раздался глухой звук, словно кто-то встряхнул покрывало, резко, коротко, почти с хлопком. Этот звук еще не успел пробраться сквозь заросли в сад, к Ильичу, как его догнала вспышка света, пронзившая полумрак.

Ильич, словно сквозь кирпичную стену, прошел сквозь кусты, и уже с той стороны посыпались отборные маты и брань.

— Мишка, стервец! Поднимай баб, пожар! Стой, сам не суйся! Назад!

Парень подскочил на месте, потом ринулся к кустам, развернулся по команде деда и рванул к калитке во двор.

— Заводи драндулет свой и дуй за медичкой, пулей!

— Деда, зачем медичка!?

— Да езжай же, сукин сын, меньше разговоров!

Голос Ильича был совсем необычный, какой-то гнев и испуг, озлобленность, а в голове у Мишки звенело от этого крика, мокрые от росы ботинки

соскальзывали с ножек мотоцикла, лысая резина выкидывала куски травы и грязи, проворачивалась и выпускала легкие клубы пара.

До дома фельдшера Антонины было всего метров пятьсот через овраг, а если верхом по дороге, то все три километра. Мишка накрутил ручку, и мотоцикл взревел и с кручи косогора устремился вниз, подскакивая и разнося свежие кротовые кучки.

Сонная девушка, лет двадцати пяти, вышла во двор на стук в халате, запахивая его на ходу.

— Чего барабанишь? Да заглуши ты свой драмдулет!

— Там, это, — Мишка запнулся, увидев, как грудь Антонины вывалилась из разреза халата, пока та, наклонившись в полутьме, пыталась завязать пояс, — там пожар, Ильич срочно просил привезти!

— У кого пожар, что горит? — Тон девушки сменился, она развернулась к крыльцу, и уже через мгновение в ее руке была огромная, темная, потерявшая кожаная сумка, домашние тапочка неуклюже разлетелись по сторонам, правая нога слету зашла в кеды, левая смяла задник. Тоня наклонилась его заправить, а Мишка снова стоял и глазел, как утренний ветерок трепал ее волосы и полы белого врачебного халата, который явно уже был маловат. — Да хорош пялиться! Едем же, не дорос еще!

Через мгновенье между Мишкой и Антониной был зажат старинный саквояж с лекарским скарбом, девушка вцепилась в куртку так, что ворот немного душил.

— Стой, куда!? Дави по косогору! — Тоня толкала Мишку в бок, торопя, указывая на короткую дорогу.

Мотоцикл снова завыл зверем, парень вжал голову в плечи, и свежий поток ветра, местами впере-мешку с горячим в ямках, хлынул в лицо. Фельдшер прижалась сильнее, что-то в сумке срослось с позвоночником, а сильные девичьи бедра обхватили его сзади, от чего Мишка ощутил что-то необычное, получив прилив терпения, забыв о дикой боли в спине.

Едва сдерживая мотоцикл на стерне, они заехали с поля прямо к сараю, там уже горел свет, пожара не было, следов его тоже, вопили тетки, Ильич ходил суровый и растерянный.

— Мишка! – Дед окликнул его, как только заглох мотор. — Сюда иди!

Медичка побежала к Ильичу, чуть опережая парня, у деда по рукам были кровавые полосы, такие же — на подкопченном лице, немного порвана рубаха.

— Деда, что тут?

— Со мной стой! – грубо скомандовал дед.

— Алексей Ильич, — начала тоненьким голосом Тоня, — что случилось? Где пожар?

— Там... был, — дед кивнул в сторону сарая, на кучу чего-то темного, метрах в десяти сзади, — затушил, но поздно.

Мишка и Антонина смотрели друг на друга, не понимая слов Ильича.

— Иди, сама глянь, не напугаешься? — Дед махнул назад рукой и тут же дернул Мишку за рукав. — А ты куда прешь?

Антонина подошла к темному пятну у сарая, накрытому какой-то тряпкой, ее обступили сосе-

ди, тряпка сползла в сторону. В выжженном круге стерни лежал человек, черный, обуглившийся, скрюченное тело, сжатое, словно от холода. Тоня прикрыла рукой рот и нос и посмотрела в сторону Ильича и Мишки, который, заглядывая через широкую спину деда, пытался понять, кто там лежал.

— Да не глазей, спать потом не будешь. — Дернул его Ильич.

— Де... это Саня, что ль?

— Саня... выходит, слышал он нас, вон какой полигон выпалил, залил бензином, себя облил, в середину встал и зажегся. Я к нему пока через кусты рванул, пламя выше сарая дало, а он даже не крикнул, кряхтел только, а там и посудина рядом с ним схватилась и шарахнула, я — к нему, а он, стервец, уже упал. — Дед закачал головой, по щеке, сквозь царапины и бороду заблестела сырая полоска.

За спиной у сарая снова запричитали тетки.

— А баба Маша где? — Спросил Мишка.

— Увели, сердце схватило, Тоню отведите к ней, ее уколоть надо.

— Де, зачем он? — Парень стоял с потерянным видом и ждал ответа от Ильича.

— Кто ж теперь узнает? Мишка, уводи свою железяку с глаз долой, ступай домой, да бабке не говори, а то Тонька ко всем уколами не поспеет.

— Не хватит на всех, — вставила Антонина, — домой меня потом свезешь или спать завалишься?

— Я привез, я увезу. — Мишка гордо поправил куртку и важно столкнул мотоцикл с подножки. — Где подождать?

— Я тетя Маше сейчас укол поставлю, и поедем.

Ильич стоял чуть в стороне, тер в руках какой-то листок, сорванный с дерева, взгляд его был рассеянный, куда смотрит — не понять.

— Де, ты че? — Мишка потянул деда за грязный и изодранный рукав рубашки.

Алексей Ильич развернул руку, за рукав на которой дергал парень, подхватил его за запястье и подтянул к себе, вжал его лицо себе в бок и разлохматил волосы на голове.

— Я пошла, — Антонина перевесилась под тяжестью своего чемодана, зашагала по дорожке через сад, через пару шагов снова обернулась, сделала строгое лицо, — жди на выгоне, я недолго.

Мишка едва смог оторвать голову из объятий деда, кивнул в ответ девушке и снова под силой руки утонул в рубахе лицом.

— Эх, Мишаня, какую Саня дурь сотворил!

— Понимаю... — Мишка, едва освободившись от захвата, ответил Ильичу, — но почему, зачем?

— Ну, уже точного ответа не сыскать, обидно, что сплетни поползут, а они всегда грязные и с душком.

— Де, ты чет совсем погас.

— Не, я еще не остыл от того пожара. Ты нос не сильно задирай. — Ильич слегка потрепал парня по щеке. — Свезешь медичку и домой дуй, отоспаться надо, после обеда жду тебя, Сане гроб справлять начнем.

Калитка с зелеными и синими вензелями открылась, скрипнула, лязгнула задвижка, и в проем вылез громоздкий Тонин чемодан, потом протиснулась она сама, прижимаемая силой дверной пружины. Девушка с мрачным лицом в серо-розовых

закатных тонах подошла к мотоциклу, молча взгро-  
моздила чемодан на сиденье, неуклюже вскарабка-  
лась сама.

— Едем.

После этого слова в голове был только шум, монотонный рокот мотора и легкий шелест ветра. Дорога уже была хорошо видна, мелькали ветки и кусты, тяжелая роса и мокрая пыль, которая смешивалась с ароматами травы, и особенно полыни, но как только Мишка увлекался этими запахами, в нос резко ударял запах бензина, гарь и сладковатый запах сгоревшей плоти.

— Эй, эй! – медичка затрясла его за плечи. —  
Верхом едем, — скомандовала она.

— Как скажешь.

— Нам уже спешить незачем.

Мотоцикл легко и бодро ускорился, щелкнул сухо своими внутренностями и, рассекая встречный легкий ветер, растворился в поле над косо-  
гором.

— Ты домой? – Антонина строго, голосом учи-  
тельницы спросила парня.

— Мотоцикл к Ильичу отгоню и домой спать.

— Уснешь?

— Не знаю, — Мишка ответил лишь после дол-  
гой паузы.

— Тогда прячь мотоцикл в погребку, все равно сейчас Серега приедет, разбираться будет, еще тебя встретит по дороге, до конца лета пешком ходить будешь.

Мишка неуверенно посмотрел на дорогу над ко-  
согором, там было пусто, да и за полем никто не ехал.

— А Серега-то к тебе зачем?

— Как, зачем? Я же вроде как единственный медик, который прибыл первым на происшествие, потом-то с района приедут осматривать, а начнут все же с меня, он как участковый явится на зорьке.

Парень понимающе кивнул, почесал затылок и потянул мотоцикл в сторону старой, приземистой постройки в дальнем углу двора.

— Садись, чай будешь? — Тоня бегала по кухне, раскидывая какие-то вещи, наводя легкий порядок, освобождая стулья, заваленные выстиранными вещами, еще пахнущими стиральным порошком.

— Буду.

— Не обижаться, я покрепче выпью, не по себе мне что-то.

Из окна кухни на горизонте показались две точки от фар машины, она неуклюже ползла по краю косогора, словно божья коровка по краю чашки, — красная Нива на фоне желтеющего поля пшеницы.

— Едет. — Мишка привстал.

— Знаешь, давай-ка вон туда, в чулан, за шторку, и молчок, Серега чтоб не видел.

Мишка обиженно отодвинул непочатую чашку чая и юркнул за тяжелую самотканую шторку, с какими-то неизвестным животными, и уселся на мешки с зерном. В узкую щелку между стеной и шторой Мишка видел, как Тоня спешно скинула с себя тесный халатик, в котором она была все утро, полуголая перебежала из одного угла кухни в другой и обратно, схватила из перестиранных вещей белоснежный медицинский халат и спешно застегнула его до самого горла, до самой последней пуговики.